

Аль-Газали: Золотое правило нравственности

© 2020 г. А.А. Гусейнов

*Институт философии РАН,
Москва, 109240, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.*

E-mail: guseynovck@mail.ru

Поступила 07.07.2020

Золотое правило представляет собой одну из древнейших нравственных заповедей, восходящих своими истоками к середине первого тысячелетия до новой эры и представленную во всех дошедших до нас великих культурах. Она в современных условиях не только сохраняет свою роль, но и приобретает все возрастающее значение в качестве посредствующего звена и общей гуманистической основы диалога и сотрудничества между людьми, принадлежащими к разным культурам. В предлагаемой статье на примере творчества одного из крупнейших авторитетных до настоящего времени средневековых мыслителей аль-Газали (ум. в 1111 г.) анализируется своеобразие подхода к Золотому правилу и его понимания в рамках исламской традиции. Золотое правило в исламе, сформулированное в качестве одного из хадисов Мухаммада: а) рассматривается в контексте веры в Бога (Аллаха) как ее продолжение и критерий полноты; б) оно не имеет самодовлеющего значения и прямо связано с соблюдением конкретных норм поведения человека, предписанных Кораном и Сунной; в) индивид в качестве верующего сам задает неограниченный круг ближних, охватываемых областью своих доброжелательных действий; г) правильное отношение к другому реализуется в установке, когда индивид не стремится встать выше него или даже вровень с ним, а считает себя ниже него. Аль-Газали дает такую интерпретацию Золотого правила, которая исключает так называемый парадокс мазохиста, ибо он видит в нем не основание нравственности, а ее выражение.

Ключевые слова: Аль-Газали, Золотое правило, нравственность, ислам, поступок.

DOI: 10.21146/0042-8744-2020-11-15-24

Цитирование: *Гусейнов А.А.* Аль-Газали: Золотое правило нравственности // Вопросы философии. 2020. № 11. С. 15–24.

Al-Ghazali: The Golden Rule of Morality

© 2020 Abdusalam A. Guseynov

*Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences,
12/1, Goncharnaya str., Moscow, 109240, Russian Federation.*

E-mail: guseynovck@mail.ru

Received 07.07.2020

The Golden rule is one of the most ancient moral commandment, whose roots can be found in the middle of the first millennium B.C.E. and which is represented in all known great cultures. And nowadays it not only maintains its role, but assumes ever greater importance as a mediating factor and a general humanistic foundation of the dialogue and cooperation of people of different cultures. The article takes the ideas of Al-Ghazali, one of the most prominent and respected till our days medieval thinkers (died in 1111), and analyses the specific approach and understanding of the Golden rule within the Islamic tradition. In Islam the Golden rule, formulated as one of the Muhammad's Hadiths, a) is seen in the context of the faith in God (Allah) as its extension and the criteria of its integrity; b) it does not have self-sufficient meaning and directly connected with the observance of the certain norms of human behavior, prescribed by the Koran and Sunnah; c) a person as a believer himself defines an unlimited circle of the neighbours, embraced with the sphere of one's considerate actions; d) the correct attitude towards the other is realized in the prescription not to put oneself higher than the other and even not on the same level with them, but to consider oneself lower than they. Al-Ghazali gives such an interpretation of the Golden rule which excludes the so-called paradox of a masochist, because he understands it not as a foundation of morality, but as its display.

Keywords: Al-Ghazali, Golden rule, morality, Islam, action.

DOI: 10.21146/0042-8744-2020-11-15-24

Citation: Guseynov, Abdusalam A. (2020) "Al-Ghazali: The Golden Rule of Morality", *Voprosy Filosofii*, Vol. 11 (2020), pp. 15–24.

Введение

Нравственная философия охватывает тот аспект человеческого бытия, который зависит от автономии воли самого действующего индивида, его решения и решимости делать то, что он делает. Ее предметность описывается кантовским вопросом: «Что я должен делать?». Одним из самых древних и глубоких ответов на него является правило, получившее уже в рамках новоевропейской культуры название Золотого (см.: [Уолтз 2017, 32–48, 151]). Объединенное в своей негативной и позитивной формулировках, Золотое правило нравственности звучит следующим образом: (не) поступай по отношению к другим так, как ты (не) хотел бы, чтобы они поступали по отношению к тебе. Золотое правило присутствует во всех великих культурах, дошедших до наших дней и составляющих цивилизационное богатство человечества. По всей вероятности, в каждой из них оно возникает автономно. Его происхождение, как правило, возводится к общепризнанным учителям мудрости и описывается в качестве одного из важнейших нравственных уроков, который они преподают в ходе ответа на вопрос, чем следует руководствоваться в жизни человеку, который хочет прожить ее правильно.

В Коране упомянутая формула Золотого правила отсутствует¹. В нем наиболее близкой к нему считается сура «Обвешивающие»: «Горе обвешивающим, которые, когда отмеривают себе у людей, берут полностью, когда мерят им или вешают, сбавляют!» (83:1–3)². Лаконичную формулировку Золотого правила, которая положила начало исламской традиции в его понимании и вошла в разряд классических, мы находим в Сунне, где это правило обозначается как *хадис пророка Мухаммада*. Одним из самых авторитетных и общепризнанных свидетельств о нем является сообщение Анаса ибн Малика (ум. в 712 г.), который молодым человеком служил Мухаммаду, был вхож в его дом, знал его повседневные привычки и был столь прилежен, что за все долгое время пребывания при нем не вызвал с его стороны ни упрека, ни даже вздоха неудовольствия и оставил обширные описания. Переданный им хадис с формулировкой Золотого правила был включен в наиболее точные собрания хадисов аль-Бухари (ум. в 870 г.) и Муслима ибн аль-Хайя (ум. в 875 г.). И в том, и в другом случае он расположен во вводящей части в разделе, посвященном вере, что подчеркивало программный характер данного хадиса. Он (под номером 13) включен также в считающийся наиболее авторитетным сборник сорока самых важнейших хадисов, составленный Мухйиддином ан-Навави (1233–1277). «Передают со слов Анаса, да будет доволен им Аллах, что Пророк, да благословит его Аллах и приветствует, сказал: “Не уверует из вас никто до тех пор, пока не станет желать своему брату (в исламе) того же, чего пожелает самому себе”» [Сахих аль-Бухари 2003, 8]. Иллюстрируя свое понимание слов Пророка, он воспроизводит следующий диалог между продавцом и покупателем: продавец просит за товар 30 монет; покупатель, подумав, говорит, что купит за 40; продавец, удивленный, спрашивает, почему он предлагает более высокую цену, и тогда покупатель, еще подумав, уточняет, что готов уплатить 50 монет; недоумевая, продавец интересуется, чем вызвано такое странное желание уплатить больше, чем просят, и тут покупатель ссылается на слова посланника Бога, сказавшего, что верующий должен желать своему брату того же, чего желал бы себе – вот он и думает, что продающему брату будет лучше получить не 30, а 50 монет.

Еще одна традиция Золотого правила в исламе связана с четвертым халифом, ближайшим сподвижником Мухаммада, членом его семьи, известным исламским ученым Али ибн Абу Талибом (ум. в 661 г.), который включил хадис о Золотом правиле в перечень обязанностей хорошего мусульманина, тем самым специфицируя (сужая) область его непосредственного применения. Абу Талиб говорит, что хороший мусульманин имеет по отношению к своему брату-мусульманину следующие обязанности: 1) приветствовать его с миром; 2) отвечать на его приглашения; 3) благословлять, когда чихает; 4) навещать, когда болеет; 5) совершать заупокойную молитву, когда покинет этот мир; 6) *желать ему того, что он желает себе* (см.: [Parrott 2018, 49]). Завершающее место Золотого правила в этом ряду говорит о его особой роли в нем.

Золотое правило, ислам и вера

Всесторонний анализ места и значения Золотого правила в рамках мусульманского мировоззрения мы находим в творчестве выдающегося средневекового систематизатора мусульманской мысли и поныне остающегося авторитетом в мусульманских интеллектуальных кругах Абу Хамида Мухаммада аль-Газали (ум. в 1111 г.), за которым закрепился титул «Довод ислама». Трактовка, предложенная аль-Газали, на мой взгляд, особо ценна в рамках общего очерка Золотого правила, ибо выявляет специфичность понимания последнего в рамках мусульманской этики.

Восходящая к Мухаммаду формулировка Золотого правила рассматривает его в качестве завершения веры и на первый взгляд дает зауженное понимание как нормы, предназначенной только для мусульманской общины. Аль-Газали, с одной стороны, казалось бы, подтверждает такое впечатление, так как он прямо замыкает данное правило на веру в Аллаха, на мусульманское единобожие, но, с другой стороны, как раз по этой причине расширяет сферу его действия на представителей других верований,

на всех людей вообще. В сочинении «Совет владыкам» он пишет: «При этом главное, чтобы ты, повинувшись приказу, поступал во всем между собой и Всевышним Истинным так, как такое же считаешь допустимым, чтобы твои рабы поступали по отношению к тебе. И поступал во всем между собой и людьми так, как считаешь допустимым, чтобы поступали с тобой, если бы ты был подданным, а кто-то другой султаном» [Аль-Газали 2016⁶, 123]. Такое же понимание он формулирует в «Письме к сыну», выделяя среди четырех вещей, которые вменяются ему в долг, следующие две: «Первая: ты должен относиться к Всевышнему Аллаху так, как если бы к тебе относился твой раб... Всевышний Аллах – Он твой господин. Вторая: обращаясь с людьми, делай это так, как ты хочешь, чтобы они обращались с тобой, потому что вера (иман) человека становится совершенной лишь тогда, когда он начинает желает для других то, что он желает для себя» [Аль-Газали web, 9]⁵.

Правило имеет своим предметом отношение *верующего, мусульманина*, к другим людям, то есть обращено отнюдь не к абстрактному индивиду, лишенному каких-либо качеств. Можно было бы сказать, что верующий является его субъектом, если бы само качество «быть верующим» не заключалось в отсутствии (лишенности) способности быть субъектом. Верующий мусульманин – это раб, слуга Бога, его можно определить как индивида, сознающего себя в качестве слуги по отношению к Аллаху, в служении ему находящего свое достоинство, смысл своего существования. Он видит свое назначение в том, чтобы делать то, что предписывает Аллах, а коль скоро мир создан Аллахом и ничто в мире не делается без него («знает Он, что на суше и на море; лист падает только с его ведома» – 6:59; «Он о всякой вещи сведущ» – 57:3), то буквально все, что делает верующий, он совершает как предписанное Аллахом («И не ты бросил, когда бросил, но Аллах бросил» – 8:17). Верующий не имеет самостоятельности, самости, автономности, он никогда не остается один, он неразрывно связан с Богом, всегда при нем, как хороший слуга при господине, и в силу этой связанности он и является верующим («И Он с вами, где бы вы ни были» – 57:4). Золотое правило является продолжением, углублением веры, придающим ей совершенство.

Газали проводит различие между исламом – более общим и широким понятием, выражающим веру в Аллаха, имеющим в виду и внешнюю покорность ему, и внутреннее его принятие, – и верой в более узком смысле – иманом, представляющим «самую благородную часть ислама» [Аль-Газали 2011, 362] – принятие Аллаха сердцем. Он ссылается на слова Мухаммада («Когда его спросили: “Какое из деяний наилучшее?” – он ответил: “Ислам (покорение Аллаху)”». А на вопрос: “А какой ислам наилучший?” – он ответил: “Иман (вера)”» [Там же, 364]), а также на следующие слова из Корана: «Сказали бедуины: “Мы уверовали!”. Скажи: “Вы не уверовали”, но говорите: “Мы покорились”, ибо еще не вошла вера в ваши сердца» (49:14). Хотя среди богословов существуют разные мнения в вопросе о соотношении ислама и имана⁴, Газали считает, что только их соединение дает полноту веры. Он ссылается на хадис Мухаммада, гласящий, что у «веры – семьдесят с лишним степеней», и апеллирует к праведным предшественникам, которые, воздерживаясь от твердого и решительного утверждения «Я верующий», всякий раз сопровождали его оговоркой: «Если того пожелает Аллах». Такая оговорка применительно к собственной вере, по мнению Газали, оправдана рядом причин, в том числе опасением предстать человеком, который восхваляет самого себя, и сомнением в том, что он достиг совершенства веры [Там же, 381–391].

Рассмотрение Золотого правила как такого, которое придает вере совершенство, исключает его понимание как самостоятельной формулы, претендующей на роль высшего принципа нравственного должностования – общей посылки силлогизма нравственных поступков индивидов. Оно не возвышает индивида до уровня нравственного субъекта, автономного и ответственного за поступки, которые он совершает. Напротив, рассматривая индивида в качестве верующего, оно утверждает его в качестве слуги Аллаха – того, кто *сознает* себя слугой и *гордится* тем, что все его решения принадлежат не ему, а господину. В рамках такого понимания невозможен так называемый парадокс мазохиста, ибо верующий, чьи желания обобщаются Золотым правилом, действует

в согласии не со своими индивидуальными желаниями, которые могут быть и мазохистскими, и какими угодно, а с желаниями, которые делают его верующим и идут от Аллаха. В исламской версии Золотое правило имеет дело не с индивидом как самостоятельно действующей единицей, а с верующим, который находится в изначальной и нерасторжимой связи с Аллахом, а именно зависимости от него.

Золотое правило непосредственно регулирует отношение верующего к другим людям. Именно к людям, а не к Аллаху: оно принципиально асимметрично, верующий, слуга Аллаха, несоизмерим со своим господином и не может судить о том, насколько хорошо служит ему. Хотя Газали прибегает к логике Золотого правила, когда он, говоря об отношении верующего к Богу, сопоставляет последнее с отношением самого верующего к собственному слуге, это все же не более чем аналогия, имеющая скорее дидактический смысл (верующий, поставивший себя на место Аллаха, одним этим актом перестает быть верующим). То, чем руководствуется Аллах, выноса свое окончательное суждение о том или ином человеке, остается тайной: «Не спрашивают Его о том, что Он делает» (21:23). Даже Посланник Аллаха боится его последнего суда. Золотое правило, касающееся отношения верующего к другим людям, вернее, его поступков по отношению к другим, связано с отношением человека к Богу в том смысле, что оно свидетельствует о доброкачественности его веры. Правильный вектор отношения верующего к другим является той вещью, без которой его (верующего) вера не будет совершенной. Отношение человека к другим людям, принцип которого заложен в Золотом правиле, является отражением (продолжением, следствием) его отношения к Богу. Отсюда – формулируемая Газали иерархия обязанностей, в которой правило отношения верующего к людям стоит на втором месте после первого (категорического, если пользоваться языком европейской этики) требования, задающего место верующего как слуги Бога.

Золотое правило как доброжелательное отношение к ближнему

Чтобы правильно понять смысл Золотого правила в исламе, его следует рассматривать именно так – как горизонтальную, распространяемую на других людей, проекцию отношения человека к Богу. Что это значит?

Согласно Газали, самими своими именами⁵ Аллах задает людям высший, пусть и недостижимый, однако единственно верный ориентир для их сознательных усилий: нравственные добродетели, запечатленные в именах Бога (Милосердный, Любящий, Щедрый и др.), придают правильное, совершенное, направление вере. Главное, чему учит Коран и что пронизывает все его многообразное содержание, состоит в осознании верующим того, что земная жизнь – временное прибежище, он живет и действует в ней не для себя и не из себя, а для Бога и по его воле. Тому же учит Мухаммад, избранный Аллахом в качестве своего последнего пророка и посланника, чьи слова и действия являются примером для верующих: «Был для вас в посланнике Аллаха хороший пример тем, кто надеется на Аллаха и на последний день» (33:21). Верующий мусульманин вместе с принципом добродетельного поведения получает также список поступков, в которых она реализуется: «Не бывает ни для верующего, ни для верующей, когда решил Аллах и Его посланник дело, выбора в их деле» (33:36).

Исламская этика, отождествляющая нравственность с верой и определяющая верующего в качестве божьего слуги, действия которого предписаны прежде всего Кораном и Сунной, на первый взгляд выглядит враждебной идее индивидуальной свободы и в этом смысле отличается от европейской этики. Следует, однако, заметить, что и в последней существует традиция, согласно которой нравственность как противостояние добра злу не является делом свободного выбора (достаточно сослаться на тезис Сократа о невозможности намеренного зла или на идею Канта о том, что нравственность и свобода взаимно ссылаются друг на друга). Противоположность добра и зла – не предмет выбора, она является основой, делающей возможным сам выбор как способ действия. Свобода выбора не предшествует нравственности, а следует за ней. И в этом смысле следование мусульманина воле Аллаха и его Посланника является

формой следования собственному благу; здесь «быть верующим» означает то же самое, что «быть нравственным»: вера – не основа нравственности, как и нравственность – не основа веры, они представляют собой взаимодополняющее единство. Своеобразие исламской этики состоит в том, что она имеет предметом и оценивает индивидов не самих по себе, а в их конкретной и каждый раз единственной связанности между собой через соединяющее их единственное действие⁶. Верующего нет самого по себе, он существует только в нерасторжимой связанности с Богом, который, согласно исламу, является его недремлющим судьей. Верующий также нерасторжимо связан с другими людьми – находящимися на другом конце того действия, в которое он в данный момент включен и без которого это действие не могло бы состояться.

Так логика мусульманской этики подводит верующего (нравственного индивида) к Золотому правилу: она делает это вторым шагом на пути добродетели, первым шагом к которой является признание абсолютной воли Бога. Причем центральным в понимании данного правила является следующий вопрос: как верующий, который выступает слугой (рабом) по отношению к Богу, связан с другими людьми? Общий ответ на него состоит в следующем: отношения верующего с другими людьми должны выстраиваться таким образом, чтобы они позволяли ему полнее, лучше выполнять свое основное и единственно достойное жизненное назначение, заключающееся в том, чтобы быть хорошим слугой Бога. Отсюда вытекает ряд следствий, конкретизирующих: а) понятие верующего (того, кто действует) и его сознательную установку (диспозицию) по отношению к остальным людям, б) понятие «другого» – людей, с которыми верующий вступает в отношения и в) сами эти отношения под углом зрения того, насколько они являются выражением воли Бога.

а) В том, что касается верующего в его отношении к остальным людям, то его задача состоит в том, чтобы оставаться слугой, выполняющим волю Бога, и удерживаться от соблазна рассматривать себя в качестве самостоятельного, самодовлеющего субъекта деятельности. В своих отношениях с другими, каким бы ни было его положение в конкретной конфигурации этих отношений – даже если он является султаном, – верующий не становится господином по отношению к ним. Так, султан являясь, конечно, господином своих подданных, тем не менее, как верующий в этих отношениях остается слугой Бога.

Верующий, согласно мусульманской этике, живет в перспективе другого, посмертного, мира, относительно которого этот – земной, бренный мир – является лишь трудной дорогой и испытанием. Будучи живым индивидом, верующий имеет также свои страсти и интересы, обусловленные физической природой и положением; основной вызов, который стоит перед ним, заключается в том, чтобы эти земные страсти и интересы не выходили за пределы, которые необходимы для него как верующего, и не становились в его жизни и деятельности чем-то самодовлеющим. Его задача, в первую очередь, является негативной: не стремиться устраиваться в этом мире лучше, чем другие, не получать больше благ и меньше зол, чем они. «Не очищайте же самих себя: Он лучше знает тех, кто богобоязнен!» (53:32). «И не выслеживайте, и пусть одни из вас не поносят за глаза других» (49:12). Первое, на что направлено Золотое правило, состоит в том, чтобы верующий в рамках своих отношений с другими не стремился получить дополнительную выгоду сверх той, которая заложена в самой взаимной выгодности этих отношений.

Кроме того, как пишет Газали, повиновение в религии – это одна половина, а другая и более трудная – это отстранение от грехов, к которым он причисляет и «предел невежества – быть довольным собой и злиться на других» [Ал-Газали 2016^a, 61]. Те, кто испытывает «радость при бедах и неприятностях у людей и печаль при их радости», суть «те, кто не желает для брата своего мусульманина того же, что он сам желает для себя» [Аль-Газали 2011, 157]. В качестве очевидного примера того, чего не должен допускать верующий, Газали приводит человека, который продает своему брату нечто за дирхам, а себе не стал бы покупать то же самое больше, чем за 5/6 дирхама [Там же]. Еще более показательна ссылка на историю, согласно которой к Мухаммаду,

когда он после битвы при Бадре сидел в тени, явился ангел Джабраил с упреком: «Ты в тени, а твои сподвижники под солнцем» [Ал-Газали 2016^о, 140]. Существует множество хадисов такого же рода. Так, один из сподвижников Мухаммада Абу Умам Аль-Бахили (ум. в 705 г.) передает историю новообращенного молодого человека, который пришел просить у Пророка разрешение на прелюбодеяние. Пророк в спокойной беседе спросил его, согласился ли бы он, чтобы так поступили с его матерью? С его сестрой? С его тетей? Получив каждый раз решительный отказ, он спросил, как же он может сделать с другой женщиной то, чего не желает для своих близких?

б) Другие люди, отношения с которыми нормируются Золотым правилом, – это не абстрактные, «серийные» единицы, объединенные каким-то общим признаком, а всегда отдельные индивиды, соединенные с тем, кто действует, конкретным поступком; они представляют собой вторую сторону этого поступка. Будучи отличными друг от друга, занимая разные места, действующий индивид и тот, на кого его действие направлено, соединяются между собой этим конкретным поступком, который связывает их именно в силу их различия. Показательно, что аль-Газали часто иллюстрирует Золотое правило отношением владыки к подданным, предлагая владыке посмотреть на соединяющую его и подданных ситуацию правосудных отношений глазами последних, как если бы он сам был подданным. Речь в этом случае не идет об уравнивании по какому-то общему признаку – на самом деле единственной соединяющей их основой является само отличное от них обоих отношение (действие), в котором один является владыкой, другие же – подданными. Когда владыке предлагается мысленно стать подданным и взглянуть на ситуацию его глазами, речь идет действительно об осознании, понимании положения подданного, но делается это не для того, чтобы владыка перестал видеть в подданном подданного и разглядел в нем такого же «человека», как он сам, но, напротив, для того, чтобы владыка смог понять, что подданный является именно подданным и, тем самым, лучше осуществить свою роль владыки, сделать более прочной, органичной саму эту асимметричную связь «владыка – подданные».

Золотое правило, схема которого говорит о том, как действовать индивиду по отношению к другим людям, включает три элемента: тот, кто действует; само действие, в рамках которого оно осуществляется; тот, на которого направлено это действие. В интерпретации мусульманских авторов достаточно очевидными и определенными являются первые два элемента. Золотое правило адресовано верующему, оно говорит о том, как он (индивид, ставший на путь веры) должен вести себя, чтобы стать хорошим верующим, и в этом смысле мусульманская традиция не отличается от других традиций, также отвечавших на вопрос, каким правилом должен руководствоваться индивид, который желает поступать нравственно. Золотое правило подразумевает не какие-то отдельные действия, а все (любые) действия верующего, не могущие быть совершенными без участия других людей, и поэтому выделяет участливое отношение к другим в качестве особого правила, которым индивид как верующий должен руководствоваться во всех подобных действиях. В понимании же третьего элемента существуют разногласия. Они касаются объема, универсальности правила, а именно ограничивается ли оно кругом мусульман, учитывает ли представителей других авраамических религий или распространяется на всех людей? В сочинениях аль-Газали сфера действительности правила понимается предельно широко и включает всех людей, с которыми человек вступает в отношения: прежде всего, это мусульмане («Ведь мусульмане – это единое здание, когда один поддерживает другого» [Ал-Газали 2016^а, 72]); это также приверженцы других верований, руководствующиеся, согласно Корану, своими ограниченными и, тем не менее, священными книгами, полученными от Аллаха ранее; и, наконец, язычники, о которых надо сказать особо. Почему-то мир устроен Всевышним таким образом, что в нем существуют и язычники, а значит, это не случайно: ведь «если бы Аллах пожелал, то повел бы прямым путем всех людей» (13:31). Поэтому верующий, не приемля само язычество, считая его самым большим несчастьем человека, тем не менее должен проявлять участливость к язычникам как к контрагентам (другой стороне) своих отношений, хотя бы к ним и не лежала душа.

Язычники чужды верующим, но они – соседи, а соседей, плохих ли, хороших ли, как гласит пословица, не выбирают. Аль-Газали приводит историю принявшего ислам известного арабо-персидского мыслителя Ибн аль-Мукаффа (724–759), которую, как пишет современный исследователь Джастин Перрот, вполне можно считать иллюстрацией того, что, согласно Газали, и язычники заслуживают доброго отношения. Ибн аль-Мукаффи, услышав, что его сосед-язычник, чтобы расплатиться с долгами, продает свой дом, помог тому вернуть долг. А в ответ на упреки со стороны правоверных сказал, что, не сделай этого, он стал бы человеком, пожелавшим своему соседу то, чего не желал бы самому себе (см.: [Parrott 2017 web, 8–9]). Словом, для верующего важен сам факт того, что «другой» включен в его деятельное жизненное пространство и составляет необходимый элемент того дела, которое он делает, и без этого «другого» данное дело вообще бы не состоялось, – именно факт *связанности* с ним «другого», а не *качества* последнего (будь он даже язычник, а ведь для верующего нет ничего хуже этого), остающегося его «другим» и цененным как его «другой». Таким образом, Золотое правило охватывает отношение верующего ко всем другим людям, которые непосредственно связаны с ним, являются его ближними. Но в чем же состоит само это отношение?

в) Здесь мы подходим к самому существенному для понимания Золотого правила вопросу. В европейской этике оно преимущественно понимается как правило *взаимного равенства* – в его основе лежит идея равенства людей как морально автономных индивидов: Золотое правило предлагает механизм, позволяющий практически реализовать эту идею, мысленно поменявшись с «другим» ролями, взглянуть на ситуацию его глазами. В рамках мусульманского мировоззрения такое понимание затрудняется как минимум двумя обстоятельствами: во-первых, верующий не является самостоятельным субъектом, отвечающим только перед самим собой, ибо, как уже говорилось, он изначально связан с Богом в качестве его слуги и вступает в отношения с другими именно в таком качестве – смотрит на них глазами своего господина; во-вторых, «другой» ценен для него не сам по себе, а в контексте реального отношения с ним, в связи с тем предназначенным (порученным) ему действием, которое он не может выполнить без его участия. Поэтому для верующего относиться к «другому» правильно – так, как предписано Золотым правилом, – означает ставить себя *ниже* «другого» – не вровень с ним и, тем более, не выше него. Только такая диспозиция будет означать, что верующий в нравственной оценке самого себя отдается целиком на суд Бога. Как рассуждает аль-Газали, хороший человек хорош перед Богом – это скрыто от людей и станет известно только после смерти, в день последнего суда. Поэтому он говорит, обращаясь к верующему: «...встретив любого человека, ты должен считать его лучше себя» [Аль-Газали 2016^а, 74]. Верующему следует рассуждать так: и ребенок лучше, ибо он, в отличие от меня, еще не грешил, и неверующий лучше, ибо неизвестно, каким будет его дальнейшая жизнь и, может, он станет хорошим мусульманином, а я собою с истинного пути и окажусь в аду, и невежественный человек лучше, ибо он грешит по неведению, а я зная. Золотое правило заключает в себе не уравнивающую взаимность, а взаимность перевешивающую – перевешивающую в сторону «другого», и в этом смысле оно является правилом любовного, альтруистического отношения к людям. Многократные примеры такого рода дает Пророк. Однажды он сделал из веточек две зубочистки – прямую и кривую; кривую взял себе, а прямую отдал сопровождавшему его сподвижнику, объяснив это так: «В любой паре людей, которые общаются между собой, самым приятным для Всевышнего Господа будет тот, кто мягче относится к своему приятелю» [Там же, 83].

Заключение

Золотое правило в мусульманской этике ориентирует на «перевешивающий баланс» (А.В. Смирнов) – нравственно благожелательное отношение к другому, заключающееся в том, чтобы ставить его выгоду выше своей. Такое благожелательно-участливое

отношение к другим является общей установкой, которая получает продолжение в более конкретных нравственных добродетелях, социально-психологических, этикетных, прагматических и прочих правилах, регулирующих, упорядочивающих отношение человека к другим людям. Золотое правило представляет собой своего рода этический туннель, по которому проходят многочисленные кабели моральной энергии общества. И только в конкретизированном виде оно приобретает свою действенность. Так, например, говоря о людях, с которыми вступает в отношения нравственный индивид, Газали разделяет их на три группы: друзей, незнакомых и знакомых, – и применительно к каждой из них рассматривает конкретные правила общения, позволяющие обходиться с их представителями так, как сам он предпочел бы, чтобы те обходились с ним.

Золотое правило нацеливает верующего на доброе (милосердное, мягкое, альтруистическое, любящее, уважительное, почтительное) отношение к людям не потому, что это соответствует их сущности и они заслуживают такое отношение. Истоки правила лежат в вере, и оно само является выражением веры: для мусульманской этики это существенно важно. Один из хадисов Мухаммада гласит, что сладость веры зависит от трех качеств, одно из которых – «любить (того или иного) человека только ради Аллаха» [Сахих аль-Бухари 2003, 16].

Еще более впечатляющим в этом отношении является следующий приводимый Газали хадис⁷. Еще до создания небес и земли Аллах создал семь ангелов и поставил их стражами над каждым из семи небес. Первый ангел-надзиратель бракует деяния того, кто говорил за спинами людей, второй – того, кто хвалился своими хорошими деяниями перед людьми, третий – деяния человека превозносившегося, четвертый – тщеславного, пятый – деяния, отравленные завистью, шестой – хорошие дела человека немилосердного, а седьмой – того, кто все хорошее делал ради славы среди ученых всего мира. Но даже когда ангелы-хранители, сумев преодолеть все преграды, несут безупречные деяния раба к самому Аллаху, Тот может их отвергнуть, говоря, что ангелы смотрят на деяния человека с внешней стороны, а Он читает в его сердце и видит, что тот «совершил их ради другого, но не ради Меня», и проклинает его, а вслед за ним его проклинают все семь небес [Аль-Газали б.г., 295–296]. Применительно к Золотому правилу смысл хадиса состоит в следующем: верующий, выстраивая свои отношения с другими людьми в векторе доброжелательности, должен следовать данному правилу не ради других (не потому, что они заслуживают это, и не для того, чтобы услужить им), не ради себя (не потому, что ты лучше их, и не для того, чтобы самоутвердиться), а исключительно ради Аллаха. Если перевести это суждение с теологического языка на философский, то оно будет выглядеть так: мораль Золотого правила может быть адекватно понята только в том случае, если она рассматривается как самоценное начало (первопринцип) сознательной человеческой деятельности, если она вырывается из цепи причинно-следственных связей и не разменивается на что-то другое, якобы более ценное и основательное, чем она сама.

Примечания

¹ Более подробно о Золотом правиле в Коране и Сунне см.: [Гусейнов 2020].

² Коран цитируется (с указанием суры и после двоеточия аятов) по изданию [Коран 1990].

³ Третье его наставление состояло в том, чтобы изучать такие науки и приобретать такие знания, которые исправляют сердце и очищают душу, а четвертое – в том, чтобы в отношении к земным благам руководствоваться примером Мухаммада, который заготавливал припасы на один год для своих еще не окрепших в вере жен и на день или полдня для тех, в силе веры которых он не сомневался [Аль-Газали web, 9].

⁴ Так, например, на вопрос, можно ли считать верующим человека, если он сердцем признал Бога, но умер до того, как словесно объявил это, некоторые богословы дают положительный ответ.

⁵ Вот наиболее нравственно акцентированные имена-определения Аллаха: «Поистине, мой Господь милосерд, любящ!» (11:90); «Он – милостивейший из милостивых» (12:92); «Поистине, Аллах – знающий, кроткий» (22:59); «Аллах – истина... высокий, великий» (22:62).

6 О специфике исламской этики, уходящей корнями в логику смысла арабо-мусульманской культуры (логику процессуальную в отличие от европейской субстанциональной) и заключающейся в том, что она нацеливает на перевешивающий баланс в пользу другого, см.: [Смирнов, Солондаев 2019, 80–88].

⁷ Этот хадис от Му‘аза ибн Джабала со ссылкой на сочинение раннего суфия Ибн Аль-Мубарака (736–797) относится к спорным и в авторитетных сборниках хадисов не приводится.

Источники и переводы – Primary Sources in Russian Translation

Аль-Газали web – Аль-Газали. Письмо к сыну / <http://www.sufizm.ru/lib/gasali/pismo/9/> (Al-Ghazali, Abū Ḥāmid, *Letter to my son*, Russian Translation).

Аль-Газали б.г. – *Аль-Газали, абу Хамид. Ихйа’ ‘улум ад-дин*. Бейрут: Дар Аль-ма‘риф, б.г. Т. 3 (Al-Ghazali, Abū Ḥāmid, *Ihya’ Ulum al-Din*, Russian Translation).

Аль-Газали 2011 – *Аль-Газали, абу Хамид. Возрождение религиозных наук*. Т. 1 / Пер. с араб. И.Р. Насырова. Махачкала: Нурульишад, 2011 (Al-Ghazali, Abū Ḥāmid, *The Revival of Religious Sciences*, Russian Translation).

Ал-Газали 2016^a – *Ал-Газали. Путевой запас для грядущей жизни // Хисматулин А.А. Сочинения Имама аль-Газали*. СПб.: Петербургское востоковедение; М.: Садра, 2016. С. 13–88 (Al-Ghazali, Abū Ḥāmid, *Provision for the hereafter*, Russian Translation).

Ал-Газали 2016^b – *Ал-Газали. Совет владыкам // Хисматулин А.А. Сочинения имама аль-Газали*. СПб.: Петербургское востоковедение; М.: Садра, 2016. С. 89–154 (Al-Ghazali, Abū Ḥāmid, *Counseling Kings*, Russian Translation).

Коран 1990 – Коран / Пер. и коммент. И.Ю. Крачковского. М.: Наука, 1990.

Сахих аль-Бухари 2003 – Сахих аль-Бухари Мухтасар (Сборник хадисов) / Пер. М.М. Нирша. М.: Умма, 2003 (al-Bukharin al-Mukhtasar, Ṣaḥīḥ, *The Collection of Authentic Hadith*, Russian Translation).

Ссылки – References in Russian

Гусейнов 2020 – Гусейнов А.А. Золотое правило: мусульманская традиция // *Ведомости прикладной этики*. 2020. Вып. 55. С. 80–90.

Смирнов, Солондаев 2019 – Смирнов А.В., Солондаев В.К. Процессуальная логика. М.: Садра, 2019.

Уолтз 2017 – Уолтз Д. Золотое правило / Пер. с англ. О.В. Артемьева. М.: Ин-т общегуманитарных исследований, 2017.

Хисматулин 2016 – Хисматулин А.А. Сочинения имама ал-Газали. СПб.: Петербургское востоковедение; М.: Садра, 2016.

References

Guseynov, Abdusalam A. (2020) “The Golden Rule: Muslim Tradition”, *Vedomosti prikladnoi etiki*, Iss. 55, pp. 80–90 (in Russian).

Khismatulin, Aleksei A. (2016) *The writings of Imam Al-Ghazali*, Peterburgskoe vostokovedenie, Sadra, Saint-Petersburg, Moscow (in Russian).

Parrott, Justin (2017) “Al-Ghazali and the Golden Rule: Ethics of Reciprocity in the Works of a Muslim Sage”, *Journal of Religious & Theological Information*, Vol. 16 (2017), URL: <http://dx.doi.org/10.1080/10477845.2017.1281067>

Parrott, Justin (2018) *The Golden Rule in Islam. Ethics of Reciprocity in Islamic Traditions*, University of Wales, Trinity Saint David.

Smirnov, Andrei V., Solondaev, Vladimir K. (2019) *The Processual Logic*, Sadra, Moscow (in Russian).

Wattles, Jeffrey (1996) *The Golden Rule*, Oxford University Press, New York (Russian Translation 2017).

Сведения об авторе

ГУСЕЙНОВ Абдусалам Абдулкеримович – доктор философских наук, академик РАН, научный руководитель Института философии РАН.

Author’s Information

GUSEYNOV Abdusalam A. – DSc in Philosophy, full member of Russian Academy of Sciences, principal adviser for academic affairs of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.